

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

95731
Томский
Томский

СКАЗАНИЕ

О
ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО СТАРЦА

ДАНИЛА,

ПОДВИЗАВШАГОСЯ

ВЪ СИБИРСКОЙ СТРАНѢ, ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ГОРОДА АЧИНСКА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

(Въ пользу Геосианскаго, при Сергіевой Лаврѣ, Спита.)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Софійской улицѣ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ст. тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 30 дня, 1855 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Архимандритъ Сергій.

Возлюбленные мои о Христѣ братія и духовная чада моя, два Григорія! Желаю вамъ о Христѣ радоваться и тещи безостановочно въ начатый вами путь, во слѣдъ своего Спасителя. Еще вы здѣсь, въ Томскѣ, зажгли свои сердца искрою сладчайшія любви своего Создателя Господа Бога и Его Единородного и Единосущнаго Сына, Господа Иисуса Христа; уязвившись Его любовію и скрывши сію драгоцѣнную искру внутри себя, потекли во слѣдъ Его, и ради сего оставили свои дома, и родителей, и сродниковъ, и имѣніе, и даже свою страну. Хорошо вы познали, что, посредѣ міра и его соблазновъ, неудобно эту драгоцѣнную искру любви Божіей сохранить непогашену: ибо міръ и его прелести, діаволъ и плоть, не только могутъ эту искру потушить, но даже и память о ней истребить. Посему не возможно работать міру и Богу. И вы добръ поняли словеса своего

Спасителя: *аще кто хочет по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ* (Матѹ. 16, 24).

Наконецъ, достигли вы тихаго пристанища, и вотъ уже четвертый годъ, какъ вы находитесь во святой обители, во Свято-Кіевской Печерской Лаврѣ, между толикаго сонма святыхъ отецъ, которыхъ наполнены всѣ ваши храмы и пещеры святыми нетлѣнными мощами, и которыхъ вы учинились и сподобились быть искренними чадами и законными наслѣдниками ихъ добродѣтелей и имѣнія. Они сѣяли и трудились, а вамъ досталось плоды собирать: теперь имѣете, кому подражать и съ кого брать примѣръ жизни!

Но вы еще тѣмъ не удовольствовались, но хотите получить какъ нѣкое духовное наслѣдство со своей сибирской страны. Вы меня прѣсите убѣдительно, дабы я собралъ свѣдѣніе о жизни великаго старца Даніила ачинскаго, и прислалъ оное къ вамъ, дабы вы могли отчасти подражать его житію и подвигамъ. Конечно, это ваше желаніе — самое богоугодное и спасительное, только для меня весьма тяжкое; потому что я прибылъ въ

сибирскую страну уже послѣ кончины старца Даніила, спустя четыре года съ половиной; слѣдовательно, я самъ его лично не видалъ, и благодатныхъ его словесъ и наставленій не слыхалъ.

Благодарю Господа Бога, что еще засталъ въ живыхъ тысячи людей, которые его лично знали, и слышали изъ устъ его душеспасительныя слова, и бесѣды, и наставленія! Отъ нихъ нѣчто могъ я узнать, но совершеннаго удовлетворенія получить не могъ, хотя и письма къ нѣкоторымъ писалъ. Всѣ отвѣчали очень скудно; потому что міръ и его суеты все заглушили и совсѣмъ почти истребили.

Хорошо — быть очевидцемъ подвиговъ знаменитыхъ мужей и поборниковъ благочестія, и, взирая на нихъ своими очами, извлекать для души пользу. Все достохвальное, когда видишь его собственными очами, является привлекательнымъ, становится вожделѣннымъ и возбуждаетъ въ зрителѣ желаніе приобрѣсти оное.

Но не мало приносятъ пользы и повѣствованія о такихъ подвигахъ, передаваемыя очевидцами въ слухъ тѣхъ, которые сами ихъ не видѣли. Зрѣніе, говорятъ, достовѣрнѣе

слуха; однако же, и слухъ заслуживаетъ до-
вѣріе, если онъ различаетъ рѣчи, судя по
достоверности лицъ говорящихъ.

Вотъ, и я приступаю къ сему жизнеописа-
нію со страхомъ и трепетомъ; потому что
буду говорить только чужія слова и расска-
зы, и боюся, чтобы въ чемъ не погрѣшить;
потому что первый я приступаю къ описанію
жизни такого великаго старца, который про-
славилъ Господа Бога въ жизни своей дѣла-
ми своими.

И вотъ, по любви моей къ вамъ, мои воз-
любленные братія, исполняю вашу просьбу,
слушая слово Ангела Господня, къ Товіи стар-
шему и юнѣйшему реченное: *тайну цареву
добро хранить, дѣла же Божія открывать
славно* (Тов. 12, 7).

А наипаче добро, и потребно, и нужно
есть проповѣдати пути Божіи и Его истин-
ныхъ рабовъ въ нынѣшнія времена, когда
по всей землѣ умножися нечестіе и беззаконіе,
и врагъ діаволь разверзъ свои челюсти на
Святую, Соборную, Восточную, Апостольскую
Христову Церковь. Онъ же проклятый со
всѣми своими полчищами и слугами, маго-
метанами и еретиками, поднялъ брань и войну

на Христа и на Его Святую Церковь, и на
всѣхъ православныхъ христіанъ, чувстви-
тно и духовно, — чувственно — войною, а ду-
ховно — страстями; разліяніемъ роскоши, и
разными грѣхами и беззаконіями, ересями и
расколами.

Въ такія прискорбныя времена, наипаче
намъ нужно особенное Божіе покровитель-
ство, и нужны намъ вѣрные и возлюбленные
Богомъ Его рабы и подвижники, а о насъ
теплые молитвенники ко Господу Богу о
Церкви и о Православномъ Благодѣйствіи-
шемъ Императорѣ, о воинствѣ Его, и о всѣхъ
православныхъ христіанахъ.

Призвавъ Бога въ помощь, и испросивъ
молитвъ въ Бозѣ почившаго великаго старца
Даніила, приступаю къ описанію его жизни,
которая вамъ отчасти уже извѣстна; ибо вы
сами были въ городъ Ачинскъ и въ деревнѣ
Зерцалахъ, и видѣли сами тѣхъ людей, кото-
рые его лично знали, и были вы сами въ
его келіи, подобной гробу. Хотя все вы это
хорошо своими очами видѣли, однако, хоро-
шо вамъ — кое-что и повторить.

Игуменія Евгенія, и города Ачинска свя-
щенникъ Димитрій Евтихievъ, и другіе мно-

гіе о юныхъ лѣтахъ и о жизни старца Данила пишутъ мнѣ слѣдующее :

Родомъ сей старецъ Данилъ былъ изъ малороссіянъ, но изъ какой губерніи—неизвѣстно то; достовѣрно только, что—изъ крестьянъ; его называли Данилъ Корнилевъ, по фамиліи — Дема. Въ молодости отданъ былъ въ военную службу, и въ двѣнадцатомъ году былъ на войнѣ съ французами застрѣльщикомъ, и былъ раненъ. Послѣ французской войны были вызваны охотники учиться грамотѣ; въ числѣ прочихъ и Данилъ пожелалъ учиться грамотѣ. Былъ уже онъ фельдфебелемъ, и имѣлъ денегъ до трехъ сотъ рублей, но былъ очень скупъ, такъ что жалѣлъ себѣ купить калачъ; ходилъ съ часами (это онъ самъ про себя рассказывалъ). Потомъ, когда Богъ открылъ ему грамоту,—онъ познакомился съ однимъ діакономъ доброй жизни, который далъ ему довольное понятіе о святомъ Писаніи; и началъ читать священныя книги и житія святыхъ Отцевъ. Это ему очень понравилось, и онъ вознамѣрился во всемъ послѣдовать жизни ихъ. Съ тѣхъ поръ получилъ онъ большую ревность и любовь къ Богу, и разсмотрѣлъ суету и непостоянство

міра сего, и кратковременность жизни человѣческой, и вѣчную будущность, и вѣчное праведнымъ наслажденіе, а грѣшнымъ вѣчное наказаніе. Когда онъ прослужилъ земному Царю семнадцать лѣтъ,—вышелъ ему за вѣрную службу чинъ благороднаго. Но онъ не захотѣлъ принять чина, и отказался отъ службы. И восхотѣлъ онъ препроводить остальную жизнь свою, или въ монастырѣ во иноческомъ чинѣ, или единому въ пустынѣ, дабы безпрепятственно послужить и поработать Господу Богу всѣмъ сердцемъ, и всею душою, и всѣмъ помышленіемъ. Посему рѣшился онъ сказать полковому командиру, что уже не желаетъ больше служить и принять чина, а вознамѣрился остальные дни своей жизни посвятить на служеніе Богу. Командиръ, зная его хорошее поведеніе, равно и прочіе начальники уговаривали его, чтобы онъ служилъ по данной имъ присягѣ Царю и отечеству, а потомъ уже Богу; а иначе, говорили они, ты долженъ получить наказаніе. Но онъ рѣшительно имъ объявилъ, что онъ не хочетъ болѣе служить. Достоверно не извѣстно, сіе ли только поставлено ему въ вину, какъ противленіе власти, или

къ сему присоединилась какая на него клевета; только, взяли его подъ строгій арестъ. Но это для него было великое утѣшеніе: онъ день и ночь хвалилъ Бога. Къ большому его удовольствію, дозволено было давать ему книги Божественнаго Писанія. Долгое время находился онъ подъ судомъ; потомъ ему сказали, что его должно разстрѣлять. Онъ на сіе отвѣтствовалъ: «буди воля Господня.» Потомъ, чрезъ нѣсколько дней опять сказали, что надобно наказать его проведеніемъ сквозь двѣ тысячи строя. На сіе онъ отвѣчалъ: « мало мнѣ этого ». Потомъ, по милостивому рѣшенію, безъ наказанія послали его въ Сибирь, въ нерчинскіе заводы, на работу. Шелъ онъ вмѣстѣ съ преступниками, въ кандалахъ, которыя нѣсколько разъ хотѣли съ него снимать, но онъ самъ никакъ не позволялъ ихъ снимать, и называлъ ихъ карманными часами.

Но тобольская экспедиція опредѣлила его въ томскую губернію, въ боготольскій винокуренный заводъ, на вѣчную работу. Въ семъ заводѣ находился онъ нѣсколько лѣтъ, подъ управленіемъ перваго пристава, Егор Петрова Аѳанасьева, отъ котораго онъ пре-

терпѣлъ много гоненія и даже мученія. Сей называлъ его святошею, и употреблялъ его въ самыя тяжкія работы. Но онъ всѣ работы, возлагаемыя на него, исправлялъ безъ опущенія, а по вся ночи стоялъ на молитвѣ; пищи вкушалъ очень мало, и то только хлѣбъ и воду. Среди дня, когда прочіе отдыхаютъ, онъ удалялся на молитву въ уединенное мѣсто, гдѣ бы его было не видно. Отъ того наипаче начальникъ Аѳанасьевъ на него сердился, и насмѣхался, говоря ему: « ну-ка святоша, спасайся въ каторгѣ! » Однажды, въ зимнее время, обнаженного его посадилъ на крышу дома своего, велѣлъ изъ машинъ поливать его водою, и съ насмѣшкой кричалъ ему: « спасайся, Даніилъ! ты святой! » Онъ ему ничего не отвѣчалъ, а молился только о немъ же Богу, чтобы не поставилъ ему въ грѣхъ сего; а это наказаніе онъ считалъ для себя еще малымъ. Потомъ Богу было угодно наказать того смотрителя завода, Аѳанасьева. Вдругъ повернуло ему голову на сторону, такъ что лице его было уже назадъ. Жена его начала его укорять за виновнаго старца. Тогда приказалъ онъ позвать къ себѣ старца, просилъ у него прошенія,

и говорилъ ему : «прости, прости меня ради Христа, добрый старецъ! за тебя меня Богъ наказываетъ.» Онъ же ему сказалъ : «Богъ тебя проститъ; ибо я этого наказанія достоинъ, потому что я клятвопреступникъ.» Вѣроятно, подъ симъ разумѣлъ онъ то, что упорно отказался отъ службы, противъ воли начальства. Послѣ сего Аѳанасьевъ сдѣлался совершенно здоровъ, и началъ уважать старца Даніила. На другой же день поѣхалъ Аѳанасьевъ въ городъ Ачинскъ; ночью заблудились путники, сбившись съ дороги, ибо поднялся страшный буранъ. Кучеръ говоритъ ему : «Это за то насъ Господь наказываетъ, что ты вчера очень оскорбилъ старца Даніила. Надобно тебѣ просить еще заочно прощенія; а то мы здѣсь замерзнемъ.» Онъ же Аѳанасьевъ восплакался и сказалъ : «прости, прости, старче Даніиле, и избавь насъ отъ этой бѣды и смерти! болѣе тебя держать не буду и отпущу на волю.» И что же?—Тутъ же очутились они близъ дороги.

Возвратившись въ заводъ, онъ немедленно написалъ донесеніе къ Губернатору, что такой-то Даніилъ неспособенъ къ работѣ, и отпустилъ его на волю, на пропитаніе.

Старецъ переселился въ городъ Ачинскъ, и соорудилъ себѣ келію самую маленькую. Потомъ перешелъ онъ въ домъ купца Алексія Хворостова, и у него также построилъ келію, и жилъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Въ эту келію двоимъ помѣститься было нельзя. Трудно было занятіе его : трудился онъ, по ночамъ копая въ огородахъ, чтобы никто его не видалъ; также и въ полѣ—косилъ и жалъ хлѣбъ до совершеннаго изнеможенія; потомъ не много отдыхалъ и вкушалъ пищи. Пища его была : ржаной хлѣбъ съ водою или картофель, котораго онъ никогда не чистилъ. Предъ вкушеніемъ пищи, онъ подъ поясъ забивалъ деревянный клинъ, чтобы меньше съѣсть. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ деревнѣ Зерцалахъ у крестьянина. Здѣсь уже келія у него была совершенный гробъ, въ которой онъ пребывалъ нагой, а платье свое оставлялъ въ сѣняхъ; ибо въ ней только могъ помѣститься на колѣняхъ для молитвы ко Господу Богу. Окно у него было въ мѣдный гривенникъ. Сія келія и до нынѣ стоитъ цѣла, и вы сами ее видѣли. Изъ нея онъ по цѣлой седмицѣ не выходилъ; свѣтильника и лампы никогда не зажигалъ, но безпре-

станно находился въ молитвѣ; иногда занимался и рукодѣлемъ: въ сѣняхъ шилъ простую одежду, но платы за то не бралъ, развѣ хлѣба для пищи. Милостыни отнюдь не принималъ, и не давалъ, потому что нечего было подавать; жилъ въ совершенномъ нестяжаніи, подобно птицѣ; работалъ безмездно, къ бѣднымъ ходилъ жать и косить, наипаче въ ночное время, чтобы мало его видѣли. Всегда онъ говаривалъ: «лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подать, то Богъ и не потребуетъ; нищета Бога ради — лучше милостыни; а милость можетъ оказать и неимущій: помощи бѣдному поработать, утѣшить его словомъ, помолись о немъ Богу, — вотъ чрезъ сіе и можно любовь оказать ближнему.» Носилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ тяжкія желѣзныя вериги и берестовый поясъ, который уже и вросъ въ тѣло его, съ которымъ и похоронили его. Еще носилъ онъ на тѣлѣ желѣзный обручъ. Но не за-долго до смерти вериги съ себя снялъ. Спрашивалъ его одинъ духовный его сынъ: «отче, для чего ты снялъ вериги?» Онъ ему отвѣтилъ: «Любезный мой братъ, потому я снялъ съ себя вериги, что онѣ уже не стали мнѣ приносить

пользы; тѣло мое такъ къ нимъ привыкло, что отнюдь не чувствуетъ ни тяжести, ни болѣзни. Посему и не стали онѣ приносить ни какой пользы душѣ моей. Ибо только тогда бываетъ полезна вещь, или подвигъ, или добродѣтель для души, когда онѣ наносятъ скорбь и обузданіе тѣлу. А люди видятъ на мнѣ вериги, да и думаютъ, что я, нося оныя, черезъ это приобрѣтаю себѣ великую пользу, тогда какъ онѣ уже совсѣмъ мнѣ бесполезны. Пусть лучше говорятъ, что Даніилъ нынѣ уже разлѣнился, и вериги съ себя скинулъ: это будетъ для меня полезнѣе; а ты не соблазняйся о мнѣ.»

Молитва у него текла изъ сердца, какъ рѣка эдемская; умъ его всегда находился въ дѣланіи семъ; посему часто молитва у него прерывала его разговоръ, и онъ приходилъ умомъ въ восхищеніе. Всѣ разговоры его были душеполезные и спасительные, или о Богѣ и о Спасителѣ міра, о Его ученіи и о страданіяхъ, или о блаженствѣ праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ. Всѣ разговоры и слова его были растворены слезами и любовью, такъ что безъ слезъ почти не могъ ничего говорить. Тѣло его было какъ восковое,

лице пріятное и веселое, съ малымъ румянцемъ; часто онъ постился по цѣлой седмицѣ и болѣе; исповѣдывался и причащался Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой весьма часто.

Когда онъ удалился съ завода, уже и тогда протекла о немъ слава, такъ что народъ началъ приходить къ нему. Ибо еще въ заводѣ онъ всѣхъ удивилъ своею жизнію. Посему и обращались къ нему — одни, чтобы принять на какое либо дѣло благословеніе; другіе, — испросить душеполезный совѣтъ; а иные приходили только посмотреть на него, и то за великое почитали. Ибо онъ такую имѣлъ благодать, что кто только его увидитъ, весь измѣняется, хотя бы и закоснѣлый былъ грѣшникъ: вдругъ зарыдаетъ, и признаетъ свои грѣхи, и проситъ наставленія.

Этого брата Даніила (Такъ онъ себя велѣлъ называть при жизни своей и говорилъ: «не называйте меня отцемъ, а называйте братомъ, ибо всѣ мы о Христѣ братія, а одинъ есть нашъ общій Отецъ Господь Богъ, въ Троицѣ славимый.» Посему называли его современники братомъ Даніиломъ), — этого, говорю, брата Даніила современники его по-

читали земнымъ ангеломъ и небеснымъ человекомъ. Онъ имѣлъ отъ Бога великія дарованія: нѣкоторые поступки его давали причину думать, что онъ зналъ дѣла и помышленія другихъ людей, прозрѣвалъ отчасти и будущее. Говорилъ онъ больше въ притчахъ и намеками, чтобы понятно было одному тому, кому говорить, а иногда и прямо, ежели то было полезно. О чемъ нижеслѣдующее явитъ слово.

Еще когда онъ жилъ въ городѣ Ачинскѣ, то проѣздомъ по епархіи былъ у старца въ келіи Высокопреосвященный Михаилъ, Архіепископъ иркутскій. Въ то время енисейская губернія принадлежала къ епархіи иркутской. Владыка бесѣдовалъ со старцемъ долгое время о разныхъ духовныхъ предметахъ. Старецъ говорилъ ему о великомъ его санѣ и его великой обязанности, о томъ, какъ ему должно управлять такою обширною паствою, чтобы ни одна овца не погибла отъ его нерадѣнія или безпечности; и какъ онъ долженъ всѣхъ исправлять, наказывать безчинниковъ, которые подаютъ соблазнъ прочимъ. Такъ онъ о семъ говорилъ, что Владыка плакалъ и даже рыдалъ. Старецъ сказалъ: «Владыко

святый, прошу тебя, благослови мнѣ грѣшному поцѣловать твою святительскую десницу и твои ланиты.» Владыка съ любовію позволилъ. Потомъ Владыка хотѣлъ дать ему денегъ, сколько ему угодно, для милостыни, и на масло для лампы, и на прочія нужды. Хотя Архипастырь и убѣдительно его просилъ принять отъ него сколько-нибудь; но старецъ совершенно отказался, и сказалъ: «Владыко святый, на что мнѣ деньги? Я ихъ отнюдь не требую; пропитаніе имѣю отъ своихъ рукъ. А милостыню давать для чего мнѣ изъ чужихъ денегъ? Ты самъ раздай, кому знаешь, и кто въ нихъ имѣетъ нужду. Равно и лампадка для чего мнѣ имѣть, когда въ душѣ моей тма? А когда бываетъ въ душѣ моей свѣтъ, тогда колыми паче мнѣ не нужна лампадка; ибо и безъ того свѣтло и радостно.» Владыка началъ его просить, чтобы онъ его проводилъ до перевоза черезъ рѣку. Старецъ съ радостію согласился. Когда вошли на паромъ и стали прощаться,—Владыка взялъ въ руки просфору и даетъ старцу. Онъ же, не принимая оную изъ рукъ Владыки, отломилъ ея верхнюю часть, и сказалъ: «Владыко святый, мы ее съ тобою

раздѣлимъ пополамъ: верхнюю часть мнѣ, а нижнюю тебѣ.» Владыка удивился прозорливости старца, поклонился ему почти до земли, и сказалъ: «прости меня, братъ Даниилъ!» Должно замѣтить, что Владыка въ нижнюю часть просфоры искусно положилъ пятирублевую ассигнацію, дабы старецъ, не познавши, принялъ подаваніе. Но отъ него сіе не скрылось.

Еще тому подобное написалъ мнѣ во второмъ письмѣ города Ачинска священникъ Димитрій Евтихіевъ, котораго я просилъ подробнѣе узнать о старцѣ Даниилѣ. Онъ, между прочимъ, повѣствуетъ слѣдующее:

Два брата купцы, проѣзжая съ ирбитской ярмарки, зашли къ старцу посѣтить его и принять благословеніе. Старецъ очень любилъ братьевъ. Какъ это случилось на святой недѣлѣ и надобно было похристосоваться по обряду христіанскому: то они, вмѣсто красныхъ лицъ, взяли съ собой по яблоку, которыя везены были ими съ ярмарки. Старецъ, вышедши изъ келіа и увидавши ихъ, сурово взглянулъ и громко имъ сказалъ: «миръ вамъ, братія!» Братья, видя старца гнѣвнымъ, не знали, что сказать, и въ недоумѣніи

молчали. Тогда старецъ съ улыбкою сказалъ имъ: «Знаете ли, что надѣлало это яблоко? (А они не показывали ему яблоковъ). Вкусилъ яблочка Адамъ и Ева: и вотъ теперь всѣ мы мертвецы, враги Господа и рабы грѣха.» Взявши у нихъ яблоки, бросилъ такъ сильно, что не осталось и малѣйшихъ частицъ, всѣ разлетѣлись. Братья, принявши наставленіе отъ старца, поѣхали домой съ радостию.

Онъ же Евтихіевъ продолжаетъ:

Многіе изъ жителей города Ачинска сказывали мнѣ, что когда только они собирались посѣтить старца въ его кельи, и намѣревались въ какой-либо опредѣленный день ѣхать въ деревню Зерцалы, гдѣ старцева келья (эта деревня отъ города въ 17 верстахъ),—старецъ самъ предупреждалъ ихъ намѣреніе, и рано пріѣзжалъ въ городъ. Приближаясь къ порогу дома, всегда съ улыбкой говорилъ домохозяевамъ: «Миръ дому сему! вы хотѣли ѣхать ко мнѣ непотребному, а вотъ я къ вамъ самъ пришелъ. На что вамъ меня?» Такъ всегда посѣщалъ знатныхъ людей!

Онъ же Евтихіевъ продолжаетъ:

Въ городѣ Ачинскѣ былъ нѣкто А. И.

Орловъ. По свойственному многимъ равнодушію, онъ всегда отзывался о старцѣ вольно; но, слыша постоянно о его строгой жизни и подвигахъ, положилъ рѣшительное намѣреніе призвать старца къ себѣ въ домъ. На другой день старецъ самъ пришелъ въ городъ, и идетъ прямо къ нему; взойдя въ комнату, громко воскликнулъ: «здравствуй, здравствуй орелъ!» Орловъ какъ ни былъ отъ природы смѣлъ, но пришелъ въ страшный испугъ и трясеніе, и не могъ сказать слова. Тогда старецъ сказалъ: «то-то, братъ, ты высоко летаешь; смотри, не пади; а то убьешься, когда крылышки-то обрѣжутъ.» Вскорѣ послѣ этого Орловъ былъ за что-то отданъ подъ судъ и отрѣшенъ отъ должности. Впрочемъ, послѣ того онъ питалъ къ старцу особенное глубокое уваженіе.

Еще продолжаетъ Евтихіевъ:

Старецъ былъ знакомъ и съ Преосвященнымъ Агапитомъ, первымъ Епископомъ томскимъ, и уважаемъ Владыкою. Также и Епископъ Агапитъ искусилъ старца, какъ Преосвященный Михаилъ, Архіепископъ Иркутскій. Однажды Епископъ Агапитъ, при обозрѣніи

епархіи, посѣтилъ старца. Когда старецъ провожалъ Преосвященнаго чрезъ перевозъ,—Владыка, желая дать ему денегъ, но зная совершенное его нестяжаніе, такъ что онъ, если давать ему въ руки, денегъ не возметъ, подклеилъ подъ дно просфоры пятирублевую ассигнацію, и, благословивъ старца, подаль ему просфору. Старецъ же не взялъ ее въ руки, но только верхнюю часть сломилъ, и сказалъ: «Владыко святыи! верхняя часть—моя, а нижняя—твоя,» и денегъ не взялъ. До здѣ іерей Димитрій.

Одинъ братъ, извѣстный мнѣ и вамъ, жилъ не подалеку отъ старца Даниіла. Діаволъ уязвилъ брата завистию противъ старца, потому, что старца всѣ прославляли и уважали, и почитали какъ великаго подвижника; а его—нѣтъ. Посему вознамѣрился онъ старца умертвить. Въ одно время, взяши ножъ, пошелъ онъ къ келии. Старецъ самъ встрѣчаетъ его въ сѣняхъ и говоритъ: «Любезный братъ, за что ты хочешь меня зарѣзать? Ну, ежели виноватъ, такъ рѣжь же!» Братъ затрепеталъ и выпустилъ ножъ, который былъ подъ его одеждою; палъ на колѣни, заплакалъ и сталъ просить прощенія. Старецъ простилъ

его, и сказалъ: «Братъ любезный, не надобно всему діавольскому внушенію вѣрить. Чего мнѣ грѣшному завидовать? — Что меня прославляютъ? Но я этого не ищу и не желаю; я бы тебѣ эту временную славу, которая не мало вредитъ душѣ моей, съ любовію отдалъ, но не моя на то воля, а воля Господня: ибо Онъ славящихъ Его прославляетъ еще въ жизни сей временной. Живи и ты такъ, какъ я живу; да и проси Господа, чтобы тебя не прославлялъ въ этой жизни, а только моли Его о прощеніи грѣховъ своихъ: и тебя Господь прославить. Но ежели будешь желать здѣшней славы, то хотя бы жилъ и по-ангельски,—ничего не получишь, ни въ здѣшнемъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.»

Одна здѣшняя томская старица, изъ благородныхъ, Анисія Ивановна, рассказывала мнѣ о себѣ слѣдующее:

Долгое время имѣла я желаніе посѣтить старца Даниіла, ибо безпрестанно слышала о его благочестивой жизни. Потомъ, Богъ и привелъ посѣтить его келію. Случилось намъ прійти къ старцу съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ изъ купцовъ. Пришедши въ сѣни его, сотворили мы молитву. Старецъ вылъзъ

изъ своей кельи, или, лучше сказать, изъ гроба, потому что келья его — совершенный гробъ. Увидавши его, я вся исполнилась ужаса, и слезы полились изъ глазъ моихъ: я думала, что увидѣла Ангела. Онъ же, ничего не говоря, подошелъ къ человѣку; взявъ его правую руку и, сложивъ три первые перста, сказалъ: «такъ молись, такъ подобаетъ творити на себѣ крестное знаменіе; такъ Мать наша святая восточная Христова Церковь учить дѣтей своихъ молитися; такъ предали святые Апостолы и святые Отцы; такъ и ты молись, и спасешися.» Человѣкъ ничего не могъ отвѣтить ему; только поклонился ему до земли.

Потомъ, старецъ обратился ко мнѣ, началъ своей рукой водить около носа своего, и сказалъ: «На что же такъ дѣлать? Это грѣшно, это—самая та сѣть, въ которую птичка попадаетъ однимъ ноготкомъ, да и вся пропадаетъ; я и самъ въ молодости въ эту сѣть попался-было; но однако, Божіею помощію скоро вырвался. Да; ты плохо видишь,—такъ табакъ тебѣ дастъ зрѣніе? Нѣтъ; съ него и вовсе ослѣпнешь. Богъ даетъ зрѣніе, и посылаетъ за грѣхи слѣпоту». А я, грѣшная, съ-

молодости понюхивала иногда для глазъ, когда они заболѣвали. Съ тѣхъ поръ, полно нюхать; а глаза перестали болѣть, хотя и старше стала.

Тогда я еще жила съ мужемъ своимъ; иногда посты мы не соблюдали, какъ должно, и хотя не ѣли скоромнаго, но по постамъ ѣли рыбу. Вотъ онъ, мой батюшка, и началъ говорить о постѣ слѣдующее:

«Какая тѣхъ людей ожидаетъ радость и вѣчное веселіе, которые сохраняютъ святые посты въ среды и пятки, по узаконенію церковному! И какое ожидаетъ вѣчное мученіе тѣхъ, которые ихъ нарушаютъ!» Потомъ вздохнулъ и заплакалъ, и сказалъ: «О горе мнѣ, паче всѣхъ грѣшнѣйшему! О какую тѣ люди дѣлаютъ невозвратную потерю, которые противъ церковныхъ правилъ разрѣшаютъ святые посты въ среды и пятки; какихъ они достойны слезъ, что за малое наслажденіе лишаются вѣчнаго блаженства! Да, нѣкоторые говорятъ: что де ѣдимъ мы не скоромное, а только рыбу; а того не знаютъ, что мы сдѣлались изгнанниками изъ рая, и учинились смертными, и находимся подъ грѣхомъ не за мясо и не за рыбу, а только за

одно яблоко;—а какія бы въ яблокѣ скóромъ и грѣхъ!—Но было заповѣдано не ѣсть его; вотъ въ томъ самомъ и былъ грѣхъ, что преслушали заповѣдь Божию. Такъ и теперь: хотя бы была рыба, хотя бы масло, хотя бы и чтó иное,—въ какіе дни не позволено чего Церковію ѣсть, того и не подобаетъ. А кто преслушаетъ заповѣдь святыя Церкви, тотъ и грѣшитъ, и за это подлежитъ наказанію.»

Вотъ я, грѣшная, чтó удостоилась слышать отъ такого великаго старца, котораго всѣ слова какъ бы запечатывались на моемъ сердцѣ!

Еще сказывали мнѣ многіе слѣдующее:

Старецъ, когда еще жилъ въ Ачинскѣ, ходилъ въ Иркутскъ на поклоненіе новоявленному Чудотворцу и Святителю Иннокентію, первому Епископу иркутскому. Былъ тамо онъ въ женскомъ монастырѣ у игуменіи, которая приглашала его остаться навсегда у нихъ въ монастырѣ, и общалась его успокоить до смерти, и похоронить его. Онъ же сказалъ ей: «нѣтъ, я не вашъ житель, а мнѣ надобно умереть въ енисейскомъ женскомъ монастырѣ, у игуменіи Евгеніи.» Эта игуменія Евгенія, у которой онъ померъ, въ то

время еще была барыней и жила со своимъ мужемъ.

Еще старица Марія Иконникова, томская мѣщанка, сама про себя мнѣ рассказывала слѣдующее:

Вотъ, я, великая грѣшница, много по свѣту постранствовала, но безъ всякой душевной пользы. Разъ пять была я въ Кіевѣ; ходила и въ другіе російскіе монастыри и къ святымъ Мощамъ; была въ Саровѣ у батюшки Серафима, и въ Иркутскѣ у Святителя Иннокентія. Много слышала я добраго про старца Даніила; и вотъ, по пути изъ Иркутска, бывши въ городѣ Ачинскѣ, зашла повидать и старца Даніила, и принять отъ него благословеніе на будущее странствіе. Онъ же, мой батюшка, встрѣтилъ меня еще на пути, не допустя до келліи своей, почти полунагой. Онъ, мой батюшка, взглянулъ на меня съ самымъ гнѣвнымъ и сердитымъ видомъ, и громкимъ голосомъ упрекнулъ меня: «Что ты, пустая странница, пришла ко мнѣ? Я давно тебя ожидалъ; вотъ будешь меня помнить!» А самъ палкой грозилъ на меня. Я вся отъ страха затрепетала, чуть не упала на землю; языкъ оцѣпенѣлъ, и не могу ни бѣжать, ни

слова сказать, ибо знаю свою вину. Онъ же началъ говорить слѣдующее: «За чѣмъ ты бродишь по свѣту, да обманываешь Бога и людей. Тебѣ даютъ деньги въ Кіевѣ на свѣчи и на молебны: а ты ихъ тратишь на свои прихоти. Много станцій ѣхала на подводахъ, панимала, тратя данныя Богу деньги. А въ такомъ-то мѣстѣ пила вино, и столько-то его купила; а въ такомъ-то мѣстѣ пустое празднословила.» И такъ онъ, мой батюшка, разсказалъ мнѣ то, что я уже и сама позабыла; какъ будто со мной ходилъ онъ и записывалъ дѣла мои. А я стою ни жива, ни мертва; онъ же еще сказалъ: «теперь уже полно тебѣ ходить по свѣту; ступай и живи въ Томскѣ; питайся отъ своего рукодѣлія, вяжи чулки; а когда устарѣешь, тогда для пропитанія собирай милостыню; да слушай же, больше не ходи въ Россію.»

Потомъ пошелъ онъ во свою келью; а я поклонилась и пошла, не сказавъ ему ни слова.

Пришедши въ Томскъ, я отложила попеченіе о странствованіи, и начала жить дома и заниматься рукодѣліемъ. По прошествіи полугода, мои сродники и знакомые молодые

люди начали собираться въ Кіевъ на поклоненіе, и стали звать меня съ собой, чтобы ихъ проводить до Кіева, потому что дорога мнѣ знакомая. Я долгое время сначала не соглашалась; потому что старецъ Даніиль мнѣ ходить благословенія не далъ. Но наконецъ, по усиленной просьбѣ, согласилась, и отправились мы въ путь. Прошедши три тысячи съ половиной верстъ, пришли мы въ саровскую пустынь, сначала на гостиницу, а потомъ къ батюшкѣ Серафиму, принять на путь благословеніе. Онъ же моихъ спутниковъ принялъ ласково, и всѣхъ благословилъ, и далъ сухариковъ на дорогу; а меня грѣшную не благословилъ и даже прогналъ, ни слова со мной не сказавъ. Вотъ, прожили мы съ недѣлю; ежедневно мои спутники къ нему ходятъ, и онъ наставлялъ ихъ душеспасительными словами; а меня и на глаза не принималъ, сколько я къ нему ни приходила. Наконецъ, мои спутники начали собираться въ путь, и только дѣло за мной. Посему я рѣшилась его беспокоить, и, пришедши къ его келліи, закричала со слезами: «батюшка Серафимъ, благослови меня въ путь; товарищи мои хотятъ идти!» Вышедши изъ келліи, онъ

сурово на меня взглянулъ, и громко сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ тебѣ благословенія! За чѣмъ ты пошла въ Россію? Видѣ тебѣ братъ Даниилъ не велѣлъ больше ходить въ Россію! Теперь-же ступай назадъ домой!» Я ему сказала: «батюшка, благослови меня сходить въ послѣдній разъ; больше уже ходить не буду.» Онъ же громко отвѣчалъ: «я тебѣ сказалъ: ступай назадъ, а впередъ идти нѣтъ тебѣ благословенія!» Я ему еще сказала: «Батюшка, какъ же пойду назадъ одна; такой дальній путь, а денегъ у меня ни копейки?» Онъ же отвѣтилъ: «ступай, ступай обратно; и безъ денегъ доvezутъ на лошадахъ до самаго Томска.» Послѣ сего благословилъ меня, и далъ мнѣ одинъ сухарикъ; а самъ затворилъ дверь. Я пришла на гостиницу, да поплакала, и простилась съ спутниками: они пошли въ Кіевъ, а я въ Нижній-Новгородъ. Тамъ нашлись мнѣ попутчики, наши томскіе купцы, и довели меня до самаго Томска. Вотъ и исполнилось слово батюшки Серафима! Такъ далеко видятъ и слышатъ одинъ другаго рабы Божіи, — за четыре тысячи верстъ! А я, по слову старца Даниила, собираю милостыню. Но тогда,

когда онъ говорилъ это, я того не предвидѣла, потому что имѣла дѣтей богатыхъ; а теперь давно уже всѣхъ похоронила.

Монахиня Сусанна, казначея иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря, о старцѣ Даниилѣ пишетъ ко мнѣ слѣдующее:

Всечестнѣйшій отецъ Пароеній! О жизни и подвигахъ великаго старца Даниила не могу я передать вамъ подробнаго свѣдѣнія, но только скажу нѣчто. Была я, грѣшная, въ его келліи, и видѣла, что она была подобна гробу; выкопана въ землѣ, ширины—вершковъ двѣнадцать, вышины и длина оной—въ его ростъ, и окошечко на востокъ самое маленькое. А какъ онъ въ ней подвизался,—этого уже не знаю. Видѣ его былъ и казался мнѣ ангелоподобнымъ; бесѣда его казалась для меня, недостойной, столько усладительною, что я забывала и сама себя, хотя и сама, великая грѣшница, много читывала божественныхъ книгъ. Онъ говорилъ, какъ мнѣ казалось, не читанное, а видѣнное, при озареніи благодатию, все самымъ имъ, или чувственно, или духовно. И тогда я такъ думала, и до нынѣ такъ помышляю: ибо не возможно—такъ коротко и вразумительно сказать и изъяснить

красоты небесныя, какъ онъ бывало начнетъ рассказывать о праведникахъ—кому за какіе подвиги какіе уготованы вѣнцы и награды, и что ожидаетъ грѣшниковъ. Спрашивала я его о постѣ. Онъ всегда говорилъ: «Я, грѣшникъ, безпрестанно ѣмъ и пью, и не знаю, что тебѣ сказать; знаю только, что, по захоженіи солнца, хлѣбъ да вода—добрая ѣда; а кто какъ хочетъ. Надобно имѣть болѣе всего смиреніе и сграхъ Божій.» Я его еще спросила: «сколько должно молиться Богу и когда?» И этого также онъ не назначалъ, а говорилъ: «всегда, безпрестанно имѣй Господа предъ очима своими, и Онъ научить тебя на вся благая.» Потомъ я о Иркутскомъ монастырѣ спросила. Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «Быль я и тамъ. Тамо очень простенько для спасенія души своей; можно и тамъ спастися.»

Когда же я отправлялась совсѣмъ въ Иркутскъ,—онъ очень былъ радъ и веселъ. Я спросила его: «гдѣ же мнѣ, батюшка, благословите остаться: въ Иркутскѣ, или въ общежительный монастырь возвратиться?» Онъ сказалъ: «я не знаю; Богъ знаетъ.» Я еще просила, чтобы онъ назначилъ для жительства мнѣ обитель. На это онъ мнѣ

С. М. Рубинштейнъ

сказалъ: «Я—человѣкъ, а не Богъ; я тебѣ назначу, а тебѣ что-нибудь будетъ невыносимо, и ты скажешь: я бы здѣсь не осталась, да вотъ онъ мнѣ велѣлъ; и тяжело тебѣ будетъ. А кому гдѣ самъ Богъ опредѣлитъ жить, тамъ и всякія скорби бываютъ легки.» Я опять просила его благословенія. Онъ сказалъ: «Ты сама узнаешь; сердце твое тебѣ скажетъ, и ты почувствуешь сіе въ ту-же минуту, и тамъ останься съ благодареніемъ Господу.»

Вотъ я и шла всю дорогу, отъ Ачинска до Иркутска, размышляя: какъ же можетъ то случиться, что мнѣ сказалъ старецъ? Въ сколькихъ я была монастыряхъ въ Россіи, но мнѣ не падало на сердце—гдѣ лучше остаться; а всѣ казались хороши. Но въ Иркутскѣ влекло меня обѣщаніе поклониться святымъ Мощамъ великаго Чудотворца, Святителя Иннокентія, данное при моемъ исцѣленіи. Наконецъ, достигла я Иркутска; не много остановившись въ Вознесенскомъ монастырѣ, и исполнивши свое обѣщаніе, пошла я въ городъ. На пути видѣнъ былъ дѣвичій монастырь; ограда низкая, и кельи также едва видны изъ-за ограды; а въ оградѣ мнѣ

казалось, что рай насажденъ. И я не ушла такъ изъ города въ Вознесенскій монастырь, но зашла въ дѣвичій монастырь. Подхожу къ святымъ воротамъ: вдругъ, такое встрѣтило меня благоуханіе, что я даже остановилась; и будто сзади кто слѣды ногъ моихъ обрѣзалъ, чтобы не возвращаться мнѣ, а остаться тутъ. Какое-то сдѣлалось радостное въ сердце ощущеніе, какъ точно будто бы оно сказало: остаться здѣсь. Я тутъ-же вспомнила слова отца Даниила, какъ будто самъ при мнѣ онъ былъ. Когда же я вошла въ церковь,—видъ Распятія такъ меня поразило, что я долго не могла сойти съ мѣста, гдѣ стояла. Старецъ еще говорилъ мнѣ: «ну, Марія, много у тебя будетъ, по-видимому, друзей въ монастырѣ, будутъ тебя и уважать въ глаза; а въ ребрушки будутъ стрѣлы пущать, клевета и зависть будутъ тебя преслѣдовать всюду; а уличить тебя будетъ нечѣмъ: Господь самъ будетъ твоимъ защитникомъ.» Сіе также оправдалось: такъ я живу по настоящее время. Иногда поражаютъ меня скорби сильно, и впадаю въ уныніе. А иногда почувствую какое-то тайное утѣшеніе въ душѣ моей; вѣрую, что Господь меня

не забылъ; вспомню слова старца Даниила,—и подкрѣпить меня сила Божія.

Еще Анна Семеновна сама про себя мнѣ рассказывала слѣдующее:

Пришедши въ Сибирь, на чуждую сторону, разлученная со всѣми своими родными, и поселившись въ городѣ Ачинскѣ, я плакала три года, отъ чего и повредила свои глаза, такъ что плохо стала и видѣть; уже на глазахъ начали появляться и бѣлмы. Слышавъ многое о старцѣ Даниилѣ, начала я просить одну женщину, чтобы она свела меня къ старцу. Она же отзывалась тѣмъ, что старецъ насъ не прійметъ; но я усердно просила, чтобы хотя до кельи меня проводила; наконецъ, она согласилась. Подошедши къ келліи, я вся исполнилась слезъ, и зарыдавъши вскричала: «батюшка Даниилъ, благослови меня горькую на чуждой странѣ!» А сама стою на колѣняхъ. Вотъ онъ, мой батюшка, вышелъ изъ кельи, и спросилъ меня: «что тебѣ надобно?» Я сказала: «благослови.» Онъ же положилъ свои руки на мою голову, и крѣпко пожалъ, такъ что сдѣлалось у меня въ головѣ волненіе. Потомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и дунулъ прямо въ нихъ. У меня

вдругъ открылся другой свѣтъ, такъ что казалась мнѣ его келья золотою и сіяющею; а сердце мое наполнилось такой радости, что какбы я была уже не на землѣ, а въ раю. Шла я домой, не знаю, по землѣ ли, или по воздуху. Послѣ того прошло вотъ уже лѣтъ 15-ть, и, благодарю Господа, глаза видятъ, слава Богу, хорошо.

Александръ Даниловичъ Даниловъ, купецъ ачинскій, сынъ крестный и духовный старцу Данилу, изъ уваженія къ великому сему старцу носить, по имени его, отчество и фамилію. Онъ теперь пребываніе имѣетъ въ городѣ Енисейскѣ. О старцѣ говоритъ онъ слѣдующее:

Когда я проживалъ въ городѣ Ачинскѣ и находился еще въ жидовствѣ, — часто слышалъ я о старцѣ Данилѣ, что онъ — великій рабъ Божій. А я уже въ то время началъ имѣть сомнѣніе относительно еврейскаго закона, и уже отчасти изслѣдовалъ свои заблужденія. Наконецъ, мнѣ захотѣлось старца видѣть и съ нимъ поговорить. Когда я вошелъ въ келью его и началъ съ нимъ разговоръ; то почувствовалъ въ сердцѣ моемъ какую-то сладость и радость, и позналъ его быти истиннаго

раба Божія, и полюбила его душа моя. Равно и онъ меня полюбилъ; и сталъ я къ нему приходить и просить его святыхъ молитвъ. И вотъ, за его святыя молитвы Господь Богъ открылъ мнѣ истинный путь, и я истинно позналъ, что Иисусъ Христосъ есть истинный Мессія и Искупитель міра, предсказанный всѣми пророками; что Онъ есть Сынъ Божій, прежде еще вѣкъ непостижимо отъ Отца рожденный, а потомъ, ради нашего спасенія, отъ чистыя и святыя Дѣвы Маріи воплотившійся, рожденный, пострадавшій и погребенный, воскресшій и вознесшійся на небеса, и что Онъ же паки во второе Свое пришествіе придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

И сдѣлался я христіаниномъ, только еще — кромѣ Крещенія. За молитвы старца успѣлъ я убѣдить и жену свою, и дѣтей, и еще мою сестру съ мужемъ, который теперь называется Петръ Ивановъ Розановъ, ачинскаго собора церковный староста.

Потомъ начали мы готовиться ко Крещенію. Я пришелъ къ старцу, и началъ просить его, чтобы онъ былъ мнѣ отцемъ крестнымъ, и принялъ бы меня отъ святой купели. Онъ же никакъ на это не соглашался. Я много

просилъ его, припадая къ ногамъ его; но онъ непреклоненъ былъ. Наконецъ, я сказалъ: «ежели ты не хочешь быть моимъ отцемъ крестнымъ и восприемникомъ отъ святой купели; то я отложу крещеніе.» Онъ заплакалъ, и сказалъ: «побѣдилъ; буду, буду твоимъ отцемъ крестнымъ.»

Вскорѣ за симъ, благодатию Господа моего Иисуса Христа принялъ я святое Крещеніе со всѣмъ семействомъ, и сестра моя съ мужемъ.

И такъ для меня сдѣлалось драгоценно имя Даніилъ; и посему усвоилъ я себѣ фамилію—Даниловъ, дабы знали и дѣти мои, и все потомство мое помнило, почему они прозываются Даниловы: ихъ отецъ имѣлъ наставникомъ и отцемъ крестнымъ великаго старца Даніила,

Но о жизни и о подвигахъ старца и отца моего я вамъ ничего не могу передать; потому что я съ нимъ вмѣстѣ не жилъ, а находился все въ суетахъ міра сего.

Скажу только, что великъ былъ старецъ и вѣрный рабъ Божій; ибо всѣ его дѣла и подвиги, и слова, и вся жизнь его являютъ сіе. Двѣ кельи его удивляютъ всѣхъ зрящихъ на

нихъ; одежду онъ носилъ—только по названію одежду. Ежели бы бросить ее на улицѣ, то никто бы ее не поднималъ. Тѣло его было какбы восковое. Пища его была — хлѣбъ, и то больше гнилой, да еще иногда — картофель, и то нечищенный; а питіе—вода. Никто его не видалъ ядущаго; ибо онъ больше принималъ пищу по вечерамъ, да и то не каждый день. Нестяжаніе его было совершенное: онъ, какъ ничего не имѣлъ, такъ ничего и не желалъ, и ничего ни отъ кого не принималъ. Даже, я едва его могъ убѣдить принять отъ меня новый молитвословъ; потому что мнѣ хотѣлось получить въ наслѣдство его старый, который я и получилъ отъ него, и блюду, какъ великую святыню, для памяти и благословенія. Если бы продавать сію книгу, —никто бы не далъ десяти копѣекъ; а для меня она—неоцѣненный даръ. Имѣя таковое нестяжаніе, старецъ говорилъ, что и самая малѣйшая вещь, или украшеніе, приносить вредъ душѣ, любящей Бога. Сколько я его ни убѣждалъ, чтобы онъ взялъ отъ меня хотя малую милостыню: онъ никогда на это не соглашался. Только въ одно время онъ мнѣ сказалъ: «братъ Александръ, я у тебя никогда

ничего не хотѣлъ взять ; а теперь прошу тебя: купи мнѣ масла постнаго, коноплянаго или льнянаго, а для чего?—открою тебѣ сіе, какъ возлюбленному моему брату.» Потомъ показалъ мнѣ свое колѣно, и сказалъ: «Вотъ, въ этомъ колѣнѣ завелись черви ; да черви-то бы ничего, пусть ѣдятъ мое грѣшное тѣло, оно того и стоитъ; но то—бѣда, что нельзя стоять на молитвѣ.» А я, какъ взглянулъ на его колѣно, очень испугался: ибо на немъ, отъ молитвеннаго стоянія, выросли срупы бугромъ, и подъ ними завелись черви. Тотъ-же часъ просьбу его я исполнилъ съ любовью, и послѣ онъ меня благодарилъ.

Молитва у него, должно быть, была безпрестанная и духовная; потому что онъ любилъ весьма молчаніе, такъ что нужное говорилъ кратко и мало, и то больше притчами; а разговоры мірскихъ, политическихъ и историческихъ, даже отнюдь и не терпѣлъ. Когда я куда отправлялся въ дальній путь, ходилъ брать у него благословеніе. Однажды, онъ мнѣ сказалъ: «Братъ мой, прошу тебя, не безпокой меня своимъ посѣщеніемъ. Ибо когда ты у меня бываешь, то я послѣ о тебѣ сожалею, и отъ того претерпѣваю не малый

воротились ; поѣдемъ завтра!» И дѣйствительно, въ ту-же ночь, на той станціи убили человѣка. Тогда-то мы узнали истинность словъ старца: «видишь на морѣ волны: не пускайся въ море.»

Еще священникъ Димитрій Евтихіевъ пишетъ слѣдующее:

Въ 1843 году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, старецъ оставилъ насъ, и уѣхалъ изъ Ачинска въ Енисейскъ. Енисейскаго монастыря игуменія Евгенія, въ свое время, по наставленію старца Даніила, оставила жизнь мірскую, и поступила на подвигъ монашеской жизни. Онъ общался пожить при ней, и, какъ она сама удостовѣряетъ, всѣ слова его къ ней исполнились вѣрно. Въ енисейскомъ монастырѣ и жизнь свою окончилъ старецъ. За три дни до смерти онъ пришелъ къ игуменіи, собралъ всѣхъ сестеръ, далъ имъ наставленіе, и сказалъ: «я отъ васъ уѣду скоро, скоро!» Сестры же опечалились, и думали, что ему у нихъ не понравилось, и хочетъ онъ опять въ Ачинскъ. Потомъ велѣлъ онъ позвать священника, отца Василя Кассіанова; у него исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ

Причащенія, сталъ на колѣни, и, помолившись Господу Богу, на рукахъ игуменіи скончался 15 Апрѣля, 1843 года.

Наконецъ, свидѣтельствуеъ о старцѣ Даниилѣ сама настоятельница енисейскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря, игуменія Евгенія, своеручнымъ письмомъ слѣдующее:

Достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ Пароеній! Хотя я сама васъ лично и не знаю, но вынуждена вамъ отвѣтить на второе ваше письмо о богоугодномъ старцѣ Даниилѣ. Видно, такъ Богомъ опредѣлено вамъ испытать и узнать о жизни странника. Я вамъ не могу писать о его жизни подробно; а что только знаю, то напишу.

«Во первыхъ,—какъ онъ предъказалъ въ молодости моей жизнь мою, такъ по словамъ его и сбылось.»

Потомъ писала она о молодыхъ его лѣтахъ, что я уже и помѣстилъ въ началѣ сего жизнеописанія.

Далѣе пишетъ слѣдующее:

«Не могу я точно опредѣлить — въ какомъ году онъ присланъ въ заводъ и вы-

пущенъ на пропитаніе; но только, должно быть, онъ пришелъ въ Сибирь между 1821 и 1824 годами. Мы уже съ нимъ познакомились въ Ачинскѣ 1827 года: онъ сталъ насъ тутъ посѣщать. Мы его всегда принимали, какъ почтеннаго старца, и онъ показывалъ себя за блаженнаго; только, мы принимали его слова всяко: иногда повѣряли и находили правильными, а иногда пропускали просто. Въ Ачинскѣ начали мы строить домъ: онъ неоднократно повторялъ: «не стройтеся; ибо вамъ въ немъ не жить: хозяинъ умретъ, а домъ на болотѣ,—онъ потонетъ.» Потомъ, ко мнѣ обратившись, сказалъ: «ты не знаешь, что тебѣ уже давно Владычица уготовала черное покрывало; тебя ожидаетъ обитель, ты будешь монахиня и казначея и игуменія; у тебя будетъ монастырь богатый, а церковь—богаче того, а домъ—вдвое того.» Но мы все это принимали за басни. Выстроили мы домъ; старецъ, однако же, къ намъ ходитъ не рѣдко, и всегда одно повторяетъ,—меня всегда въ монастырь отправляетъ, и говоритъ: «скоро, скоро у Катеринушки крылышки-то отпадутъ, и Катеринушка упадетъ.» А мы, какъ завлекла насъ

мірская суета, — ничего не понимали. Что же?—Въ домѣ мы прожили только девять мѣсяцевъ: мужъ мой, хозяинъ дома, померъ, а имущество наше было описано по дѣламъ, начавшимся послѣ его кончины. Вотъ и домъ потонулъ!

Послѣ смерти покойнаго моего мужа протекло три года всё въ хлопотахъ. Потомъ, какъ уже рѣшила я свои дѣла, тогда уже разсмотрѣла, что мнѣ Богомъ опредѣлено поступить въ монастырь. Я спрашиваю старца: «куда мнѣ благословите идти, — въ иркутскій ли или въ енисейскій?» Онъ мнѣ сказалъ: «поѣзжай въ иркутскій; будешь и въ енисейскомъ.» Я на это ему отвѣтила: «Зачѣмъ же такъ? — Въ одинъ который нибудь.» Онъ же сказалъ: «и рада бы не шла, да вызовутъ въ енисейскій.» Вотъ не правда ли—и это?...

Когда я еще жила въ домѣ, то я его всегда звала къ себѣ, и въ саду хотѣла ему выстроить келью, по его желанію. Онъ мнѣ говорилъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ и прійду; ты меня и похоронишь.»

Такъ и случилось; ибо чрезъ десять лѣтъ

моей жизни въ монастырѣ, когда я поступила въ игуменьи,—пріѣхалъ ко мнѣ дорогой мой гость съ Александромъ Даниловымъ; и только что вступилъ въ келью мою,—сказалъ: «вотъ, теперь ты на твердой землѣ, и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь.»

Погостилъ дорогой мой гость только три мѣсяца, и преставился 15 Апрѣля, 1843 года, въ четвертокъ на Пасхѣ.

Я наканунѣ его смерти пошла къ нему похристосоваться, и съ прискорбіемъ ему признавалась, что хочу свою должность оставить. Онъ на сіе мнѣ сказалъ: «не думай этого никогда: тебѣ эта должность положена до конца твоей жизни, и управленіе твое будетъ благополучно и изобильно.» Я спросила: «а безъ меня—какъ?» На сіе онъ отвѣтилъ: «объ этомъ надобно помолчать.»

И подлинно, такъ меня Господь благословляетъ и милуетъ, а высшее начальство жалуетъ!

Подвиги старца Данила были самые трудные. Въ таковой жизни онъ провелъ болѣе тридцати лѣтъ. Пищею его былъ одинъ хлѣбъ съ водою; да и то до сытости онъ никогда

не вкушалъ. Онъ имѣлъ на себѣ только одно рубище, которое хранится у меня; многіе берутъ его на излѣченіе отъ болѣзней, и бываетъ по вѣрѣ ихъ польза.

Наканунѣ своей смерти, онъ съ удовольствіемъ осматривался въ оградѣ, и говорилъ мнѣ: «завтра меня уже не будетъ; вы не говорите: я уѣхалъ; а скажите: былъ, да нѣтъ, Даніилъ.» И подлинно, такъ: съ-вечера былъ здоровъ; въ двѣнадцатомъ часу ночи заболѣлъ; въ утреню исповѣдался; а въ раннюю Литургію причастился Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Мнѣ онъ сказалъ: «прійди ко мнѣ въ третьемъ часу.» Я, пришедши, послала за священникомъ; и прочиталъ онъ отходную. Старецъ сталъ на колѣни; я поддержала его за плеча. Онъ же сказалъ мнѣ: «Богъ тебя проститъ, мое золото.» Съ этимъ словомъ онъ скончался.

Когда же начали его обмывать,—усмотрѣли на тѣлѣ его берестовый поясъ, уже вросшій въ его тѣло, и кровь, запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили во гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ.

По смерти же его, явилась на лицѣ его такая живая улыбка, что совсѣмъ онъ не походилъ на мертваго.

Вотъ, достопочтеннѣйшій старецъ, что я знала, все вамъ подробно описала; больше ничего не знаю. Я твердо увѣрена, что онъ былъ мужъ жизни духовной и благочестивой; и мнѣ недостойной Господь опредѣлилъ быть подъ его руководствомъ.

Скончался онъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Вотъ, какъ страннику Господь сподобилъ окончить жизнь свою! На похороны его столько стеклось народу, что подивиться надобно. Ибо еще не знали странника въ нашемъ городѣ; а всѣ собрались въ церковь отъ мала до велика. Когда же несли тѣло его мимо кельи покойной моей предмѣстницы, а она уже была слѣпая, и ничего не могла видѣть: то и она увидѣла свѣтъ,—будто бы блеснула молнія. Въ церкви же, хотя и были зажжены всѣ мѣстныя свѣчи, — былъ какой-то еще особенный свѣтъ; чувствовали многіе какой-то пріятный запахъ, и говорили: «вотъ, какъ Господь возлюбилъ странника, и прославляетъ трудника Своего!» И те-

нерь, многіе приходятъ, служатъ по немъ панихиды, берутъ земли съ его могилы, и бываетъ по вѣрѣ ихъ въ болѣзняхъ отрада.

Впредь Богъ вѣсть, что будетъ; только, я уповаю на Господа Бога и на Его великія благости къ нашей обители. Уже мнѣ не дожидаться того; но буди во всемъ Его святая воля! А я уже и сама почти на пути къ своему отечеству.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ Пароеній! я хотѣла было умолчать, потому что не мнѣ прославлять такихъ подвижниковъ; но убѣдило меня ваше второе письмо. Посему, что я знала и видѣла, все вамъ описала, не убавила и не прибавила; видно, Господу Богу такъ угодно, и Онъ вамъ такъ повелѣлъ, что чрезъ десять лѣтъ послѣ кончины старца вы меня спросили. Я бы сама никогда не отважилась описать жизнь такого великаго подвижника. Всегда и всякое дѣло отдаю на волю Божию; и теперь не знаю, для чего вы меня спросили и даже вынудили. Буди же во всемъ Его святая воля! Можетъ быть, Господь и не поставитъ мнѣ недостойной сего во грѣхъ.

Еще вы писали Данилову: но онъ вамъ ничего не можетъ описать подробно, развѣ только припомнить фамилію старца. Но я вамъ и не совѣтую больше искать и извѣдывать. Ежели хотите быть его сотрудникомъ, и подражать его подвигамъ,—это—доброе дѣло: ибо кто на Господа Бога положится, тотъ не обложится, и тотъ многого не ищетъ; едино намъ на потребу.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, спасайся о Господѣ, и меня убогую инокиню Евгенію не оставь во своихъ молитвахъ; и я остаюсь сомолитвенница ваша, посильная богомольщица, игуменія Евгенія. »

10 Августа, 1853 года.

Енисейскій женскій монастырь.

Вотъ, возлюбленные братія, два Григорія, только что могъ я собрать по вашему прошенію о жизни великаго старца Данила, прежде бывшаго ачинскаго, а теперь енисейскаго. Можетъ быть, я не вполне удовлетворилъ вашему пламенному желанію, и сообщилъ не столько, сколько вамъ хотѣлось

узнать о немъ ; но что дѣлать? — Я и самъ знаю , что мало собралъ и написалъ. Отъ современниковъ старца по всей сибирской странѣ осталось множество преданій , и наполнены о немъ разговорами всѣ дома и собранія. Одни рассказываютъ со удивленіемъ о его подвигахъ , другіе припоминаютъ его слова и наставленія ; иные удивляются его прозорливству , а нѣкоторые воспоминаютъ со слезами благодаренія, полученныя отъ него. Нѣкоторые въ тѣлесныхъ болѣзняхъ — помощь , другіе отъ душевныхъ страстей и грѣховъ—освобожденіе , а иные въ тяжкихъ скорбяхъ получили утѣшеніе. Есть не много и таковыхъ , подвизающихся въ духовной жизни , которымъ , по многому испытанію, преподавалъ онъ высокое ученіе о томъ — ка-кимъ образомъ безпрестанно имѣть Бога предъ очами своими , то-есть , непрестанно созерцать Господа Бога умомъ , и совершать молитву Иисусову внутри сердца. Донинѣ еще нѣкоторые, около города Ачинска , обрѣтаются въ живыхъ его ученики и его истинные наслѣдники; живутъ во отшельничествѣ, въ пустыняхъ и на пасѣкахъ , хотя и не много уже ихъ осталось.

Много бы можно было собрать о жизни старца Даниіла и его словесъ и наставленій, ежели бы я самъ побывалъ около города Ачинска и въ деревнѣ Зерцалахъ; потому что тамъ было постоянное пребываніе старца. Но обстоятельства мои не позволили мнѣ тамъ побывать; и потому не могу больше вамъ написать о старцѣ Даниилѣ. Хотя и многихъ я видѣлъ его современниковъ; но иные уже позабыли, а другіе не могутъ подробно передать, а многіе уже скончались.

Итакъ, возлюбленные братія , будьте довольны тѣмъ, что я могъ собрать и написать, — хотя и не много, да вѣрно; и отъ этого есть чѣмъ воспользоваться, и есть чему подражать, и есть съ чего взять примѣръ.

При семъ возвергаю себя на благодѣйство Господа моего Иисуса Христа , и на представительство Пречистыя Его Матери, Владычицы Пресвятыя Богородицы, Приснодѣвы Маріи, поручая себя святымъ молитвамъ въ Божѣ почившаго великаго старца Даниіла.

Прошу и вашихъ святыхъ молитвъ.

Остаюсь и я вашъ сомоливенникъ, паче
всего міра непотребнѣйшій, странствующій
внокъ святыя Горы Аѳонскія, общежительной
Пантелеимоновой Русской обители, всѣхъ
последній Пароеній грѣшный.

Іюня 28 числа, 1854 года.

ОЛУ

Дорогой и любезный
Братъ Б. В. Т. А.
Прочитавъ письмо
ваше отъ 1854 года
и видя въ немъ
свѣдѣнія о вашемъ
здоровьи и о вѣселии
вашемъ, я очень
радъ. Желаю вамъ
здоровья и вѣселия
и не прерывающаго
покоя. С любовью
ваша
Б. В. Т. А.
Министръ
В. В. Т. А.
В. В. Т. А.
В. В. Т. А.
В. В. Т. А.